

⁵³ Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I... С. 92–93.

⁵⁴ Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета. 1726–1730 гг. Т. 3 / Под ред. Н. Ф. Дубровина // Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 63. С. 688–692.

⁵⁵ Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731–1740 гг. Т. 3. / Под ред. А. Н. Филиппова // Сб. РИО. Юрьев, 1900. Т. 108. С. 453.

⁵⁶ Бумаги Кабинета министров... Т. 11 / Под ред. А. Н. Филиппова // Сб. РИО. Юрьев, 1912. Т. 138. С. 87.

Ю. Н. Смирнов

**ЭВОЛЮЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ СТРУКТУР В
ХОДЕ ОСВОЕНИЯ ЮГО-ВОСТОКА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ ОТ
ВРЕМЕННЫХ КОМИССИЙ 1730-Х ГОДОВ ДО «ВНУТРЕННЕЙ
ГУБЕРНИИ ИМПЕРИИ» СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА**

Освоение юго-восточных территорий Европейской России в XVIII–XIX вв. стало одним из самых значимых шагов в обретении нашей страной, ее народами новых земель. В процессе присоединения и заселения данной территории, в ходе превращения практически безлюдных пространств в новый земледельческо-промысловый регион с многочисленным оседлым населением создавались административные структуры, которые адаптировались к изменяющейся ситуации. В статье изложено исследование их эволюции от временных комиссий 1730-х гг. до создания в 1851 г. заволжской Самарской губернии, получившей статус «внутренней губернии Империи», схожий со статусом издревле обжитых земель центра России.

Лесостепное и степное Заволжье занимает обширную территорию, которая в середине XIX в. оформилась как цельное образование и составила Самарскую губернию, хотя полного совпадения географических и административных границ, конечно, не было. Заволжье выделяется не столько в географическом отношении, сколько в историческом. Волга для данного региона – не просто наиболее однозначно определенная граница, а естественный рубеж, долгое время защищавший от кочевых набегов. Оседлые жители пришли в этот край, исключая редкие поселения по самому берегу великой реки, не только позже, чем на волжское правобережье, но даже позднее, чем на территории, окружающие Заволжье с севера и востока: Закамье, Башкирию и Приуралье. С юга Заволжье очерчено природно-климатической зоной, за пределами которой не велось традиционное для России хлебопашество, начиналась сухая прикаспийская степь, переходящая в полупустыню, а оседлое население было занято в основном на промыслах и торговых путях Нижней Волги.

Разнородность административной принадлежности рассматриваемой территории до образования Самарской губернии не способствовала концентрации документальных материалов по прошлому Заволжья в одном

месте. Эпоха XVIII – первой половины XIX вв. вообще недостаточно представлено в архивохранилищах поволжских городов, пострадавших от пожаров. Однако значительный массив источников по этому времени имеется в фондах архивов Москвы, Санкт-Петербурга и Оренбурга.

Даже обширные архивные материалы по истории образования Самарской губернии середины XIX в. долгое время оставались вне поля зрения историков и краеведов. Эта история, как правило, ограничивалась упоминанием указа об учреждении губернии и пересказом газетного сообщения о церемонии открытия губернских присутственных мест 1 января 1851 г. Может сложиться представление, что решение верховной власти было принято внезапно, в одночасье. Впрочем, такое же впечатление было и у недостаточно осведомленных современников данного события из числа рядовых обитателей Самары, до которых доходил лишь «смутный слух о переименовании Самары из уездного города в губернский»¹. Однако скоропалительно важные дела в государственном аппарате России не делались. У вопроса о создании одной из крупнейших губерний Европейской России, которая занимала площадь, сопоставимую с современной Грецией, бывшей Чехословакией или Австрией и Швейцарией, вместе взятыми, 1) имелась предыстория, 2) он был вызван объективными причинами, 3) прошел обстоятельное обсуждение.

Проблема освоения завожских земель обрела высокую значимость в политике Российской Империи, начиная с 1730-х гг. Взгляды на значение и перспективы развития Заволжья менялись во времени и были не одинаковы у различных государственных деятелей.

До начала 1730-х гг. городки Закамской линии, построенной еще в 1652–1656 гг., и форпосты по р. Черемшану оставались реальным охраняемым рубежом российских владений, по которому проходила исторически сложившаяся граница между уже земледельческим Закамьем и пока еще неосвоенным Заволжьем. Отдельные поселения Казанского, Симбирского и Самарского уездов за этим рубежом не меняли общей ситуации в регионе и жили под постоянной угрозой со стороны степняков, от которой, впрочем, не были полностью избавлены их соседи, жившие на самой линии или даже внутри нее.

Оживление активности с российской стороны на юго-восточных рубежах империи наметилось в начале царствования Анны Ивановны. В соответствии с указом Сената от 14 февраля 1731 г. по инициативе тайного советника Ф. В. Наумова начались крупномасштабные работы по строительству новой Закамской укрепленной линии «для лучшего охранения низовых городов за Волгою, вместо черемшанских форпостов, по реке Соку и по другим до реки Ик»². Под защиту этой линии, строительством которой ведала специальная комиссия под руководством Наумова, пере-

ходили новые обширные территории, которые стали активно осваиваться крестьянами, служилыми людьми, помещиками.

Очевидно, что стабилизация положения при дворе и в государственном аппарате после чехарды дворцовых переворотов 1725–1730 гг., в хозяйстве и финансах страны после перенапряжения Северной войны 1700–1721 гг. и других петровских походов, позволили правительству активизировать не только западное направление внешней политики России, но и обратить взоры, силы, средства на восток. Следующими шагами по разработке правительственной стратегии на данном направлении стали: 1) русско-казахские переговоры 1731–1732 гг., когда в ходе пребывания А. И. Тевкелева в Малом Жуже было выдвинуто предложение о постройке города на Яике; 2) ответное казахское посольство 1734 г. с просьбой о принятии в русское подданство; 3) проект сенатского обер-секретаря И. К. Кирилова о продвижении России в зауральские степи, Среднюю Азию и Индию; 4) высочайшая резолюция, которая последовала 1 мая 1734 года на этот проект. Правительство, согласясь с доводами Кирилова, назначило его же самого для осуществления разработанных планов, придав ему в помощники Тевкелева. Конкретные детали плана уточнялись в подробной инструкции Кирилову от 18 мая, а городу, который еще только предстояло построить, по указу от 7 июня уже было дано имя Оренбург и особая привилегия.

В стратегическом замысле Кирилова 1734 года, воплощенном в организации Оренбургской экспедиции, Заволжье первоначально уделялось недостаточно внимания. Это привело к ряду серьезных неудач. Главной из них стало вооруженное противостояние в Башкирии, через которую предполагалась главная коммуникация с Оренбургом. Положение частично было исправлено устройством в 1736 г. в Заволжье пограничной линии по р. Самаре и Московской дороги вдоль нее до р. Яик

В связи с сооружением укрепленного рубежа, который более решительно выдвигался в степь, 27 мая 1736 г. решением Кабинета, утвердившим соответствующий доклад Сената, Ф. В. Наумов получил отставку от руководства возведением новой Закамской линии. Достройка последней была признана ненужной.

В. Н. Татищев, начальник в 1737–1739 гг. Оренбургской экспедиции, которая стала называться комиссией, отодвигал на будущее основные внешнеполитические цели плана Кирилова и старался укрепить позиции России в Заволжье и Приуралье. Так же в основном действовал и сменивший его В. А. Урусов (1739–1741).

Активизация работы Оренбургской комиссии происходит под руководством И. И. Неплюева, что сопровождается решительным и даже несколько демонстративным переездом руководства комиссии из Самары в Оренбург в 1743 г. Вместе с тем Неплюев удачно сочетал сильные стороны как

кириловского стратегического плана, так и взвешенной тактики администрации Татищева и Урусова. До своей отставки в 1758 г. он, а затем и другие руководители Оренбургской губернии, образованной в 1744 г., не упускали из внимания обширные заволожские территории, находившиеся в ее составе. В административном отношении они были включены в Ставропольскую провинцию, Самарскую дистанцию крепостей, ведомство Новой Московской дороги (или Бугульминское). В военном отношении оренбургским властям подчинялись даже состоявшие в Казанской губернии г. Самара и ее «пригород» Алексеевск. Однако военные пограничные дела во всех административных единицах Заволжья уступали со временем ведущее значение вопросам заселения и хозяйственного освоения.

Для зачинателей и активных проводников юго-восточной политики государства того времени слава России понималась прежде всего как приращение ее материальных богатств, безопасность мирных трудов жителей, культурный подъем. Воинская служба оказалась для них вынужденным, хотя и необходимым делом. Здесь требовались иные способности и качества, среди которых немаловажными были гибкость и самостоятельность в принятии решений. Особенно это проявилось в упорстве, с которым, вопреки давлению сверху, задачи освоения «Новой России», как ее называл Кирилов, ставились всеми этими деятелями выше строгого соблюдения крепостнических порядков.

Отрицание незыблемости крепостнических устоев имело у первых местников юго-востока России, конечно, не мировоззренческий, а прагматический характер. Однако и такого рода критический взгляд на политико-правовую основу тогдашних общественных отношений имел, несомненно, положительное значение. В первоначальном заселении Заволжья преобладающую роль играли самовольные «сходцы», в большинстве своем просто беглые люди. Традиционное для отечественной историографии деление переселенческого движения на потоки крестьянский (вольный, народный), государственный и помещичий выглядит весьма условным в крае, где вольные переселенцы и беглые составляли основное население казенных и дворцовых волостей, военных крепостей и помещичьих имений. Продолжая такую политику, в 1760-е гг. власти отказываются от преследования беглецов и раскольников в Степном Заволжье, допуская их частичную легализацию в селениях по р. Иргизу.

Число оседлых сельских и городских жителей в 1770-е гг. достигло на заволожских территориях почти 120 тыс. чел. Успехи, достигнутые в ходе присоединения и начального освоения Заволжья, обуславливались совместными усилиями властей и народных масс, близостью интересов разных сословных и этнических групп в переселенческом процессе, в котором с самого начала приняли участие вместе с русскими мордва, чуваш, тата-

ры, украинцы. Немногим позднее в этот поток влились иностранные, в основном немецкие колонисты.

Численность всех жителей обоего пола в Самаре и ее ближайшей округе в 1760-х гг. достигла 5 тыс. чел. В поселениях городского типа (Самара и Алексеевск) русские составляли подавляющее большинство, но в сельской местности преобладали в сумме выходцы из народов Поволжья. В 70-х гг. XVIII в. соотношение крестьян разных национальностей в южных окрестностях Самары стало меняться. Это произошло в связи с массовым переселением в Степное Заволжье из владений Орловых, Самариных и других помещиков около 4 тыс. чел., в основном русских.

Еще южнее на луговой стороне Волги от Еруслана до Иргиза постоянное население выросло за третью четверть XVIII в. практически с нуля до 28 тыс. с лишним жителей. Это были немецкие и прочие иностранные колонисты, солевозчики, являвшиеся в основном выходцами из Слободской Украины, русские дворцовые и экономические крестьяне, а также старообрядческие инок.

В Ставропольском уезде вместе с крепостями Самарской укрепленной линии численность жителей достигла 50 тыс. Здесь были поселены крещеные калмыки, количество которых составляло в 1770 г. около 8,5 тыс. чел. Они представляли две этнические группы калмыков, волжских и зюнгорских (джунгар). Крестьянское население уезда состояло из русских и народов Поволжья (мордва, чуваша и татары), кроме того, среди крестьян здесь было небольшое число поляков и латышей. Уроженцы Польши имелись и среди жителей г. Ставрополя, где преобладали русские, но наряду с ними проживали новокрещеные из татар, чувашей, мордвы, цыган, персов. Небольшие группы персов-«кызылбашей» имелись и в ряде сельских поселений уезда. Еще две слободы основали здесь украинцы-«черкасы». Большинство казаков и отставных нижних чинов, поселенных в Ставрополе, на новой Закамской и Самарской линиях, являлись русскими, но часть их была из «черкас», татар и калмыков.

Общая численность населения Бугульминского ведомства приближалась к 30 тыс. чел. Среди них четверть составляли русские государственные и помещичьи крестьяне, а три четверти – представители народов Поволжья и Приуралья (мордва, чуваша, татары, этнические группы тептярей и бобылей).

За пределами занятых оседлыми жителями земель в Заволжье продолжали кочевать башкиры и некрещеные калмыки. Районы их скотоводства, охотничьи и других угодья заметно сократились по сравнению с началом XVIII в.

В 1771 г. большинство волжских калмыков покинуло пределы России. Их исход, с одной стороны, облегчал продвижение земледельцев в степь. С другой стороны, часть их заволжских кочевий заняли башкиры и казахи.

Окраина Российской империи, какой оставалось Заволжье, обладала меньшей устойчивостью перед силами, способными нарушить политический и общественный баланс. С одной стороны, произвол администрации и привилегированных землевладельцев здесь находился под более слабым контролем со стороны верховной власти и провоцировал усиление недовольства народа. С другой стороны, пришедшее в большинстве своем по своей воле и в поисках лучшей доли население болезненней, чем жители центральных губерний, реагировало не только на крайности абсолютизма и крепостничества, но и на сами принципы существовавшего государственного и общественного устройства.

Во второй половине 1760-х – начале 1770-х гг. власти усугубили социальные конфликты на юго-восточной окраине своей политикой. Столичный «просвещенный абсолютизм» екатерининского царствования в приложении к реальному управлению Заволжьем выразился лишь в весьма кратковременном губернаторстве Д. В. Волкова (1763–1764), после которого к руководству краем были поставлены сначала А. А. Путятин, а затем И. А. Рейнсдорп, проводившие откровенно продворянскую и крепостническую политику, шедшую вразрез с прагматическими административными традициями руководителей Оренбургской экспедиции (комиссии) и первого здешнего губернатора И. И. Неплюева.

Недовольство жесткой линией, перенесенной новыми высшими администраторами пограничного края из практики управления центральными губерниями страны, в том числе и проявлениями этой линии в переселенческом вопросе послужило одной из важнейших причин массового перехода крестьянского, военно-служилого и городского населения Заволжья, состоявшего в основном из новопришлых людей, на сторону пугачевского восстания.

Любопытно, что впервые о претензиях Самары на высокую административную роль было заявлено в декабре 1773 г., когда пугачевский атаман И. Арапов пообещал от имени «императора Петра Федоровича» жителям Самары, перешедшим на его сторону, сделать их город центром губернии³. По понятным причинам это слово сдержано не было. Устройством органов власти занялась победившая сторона. В ходе реформы местного управления, начатой Екатериной II, Заволжье оказалось поделенным между различными территориальными образованиями, в составе которых и находилось до середины XIX в.

В 1780 г. было создано Симбирское наместничество (губерния). В него вошла северо-западная часть территории Заволжья: Ставропольский и луговые части Сызранского и Самарского уездов.

Северо-восточные заволжские уезды (Сергиевский, Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский) оказались в Уфимском наместничестве, уч-

режденном в 1781 г. и преобразованном в 1796 г. в Оренбургскую губернию. В ее составе упразднялись Сергиевский и Бугурусланский уезды, но последний в начале XIX в. был восстановлен.

Юг Заволжья более полувека составлял левобережные половины Хвалынского, Вольского и Саратовского уездов. Они находились в Саратовском наместничестве, учрежденном в 1780 г., разделенном в 1796 г. между Астраханской и Пензенской губерниями, но восстановленном в 1797 г. под именем Саратовской губернии. В 1835 г. из заволжских частей трех вышеназванных уездов были образованы два новых, Николаевский и Новоузенский уезды.⁴

Административное устройство заволжских территорий на уездном уровне внешне казалось унифицированным по общероссийскому образцу. Однако значительная часть здешнего населения и его земли оставалась вне ведения гражданских властей, а подчинялась непосредственно военному начальству в Оренбурге: казаки Оренбургского войска, ставропольские крещенные калмыки, башкиры на восточных окраинах Заволжья. Это военнослужилое население делилось на кантоны, «кои составляют род округа, в коем выбранные из народа люди и старшина управляют оным, составляя чрез сие род народного суда, пекшегося для выкомандировки войска на линию в полной силе, как сбором команд, равно вооружением, содержанием и приводом оных»⁵. Расписание пяти казачьих кантонов было составлено в 1798 г. оренбургским военным губернатором О. А. Игельстромом.⁶ Из них два (3-й и 5-й кантоны) размещались в заволжских уездах Симбирской и Оренбургской губерний и из-за отдаленности от пограничных линий обычно назывались внутренними. Они делились на станицы, которые здесь, как правило, не были отдельными поселениями, а являлись казачьими общинами в совместных местах жительства с горожанами и крестьянами. Так, казаки г. Самары составляли Самарскую станицу 5-го кантона⁷.

Доля военно-служилых сословий и их роль в хозяйственном освоении края постоянно снижалась из-за постоянного притока переселенцев-крестьян. Благодаря совместному воздействию таких социальных и политических факторов, как правительственные меры по закреплению Заволжья в составе России, желание помещиков увеличить свои владения и доходы, стремление хлебопашцев на свободные земли, к концу первой трети XIX вв. произошло коренное изменение демографической ситуации в левобережной части Самарского края в отношении плотности и сословного состава населения. Перечисленные факторы продолжали действовать и в предреформенные 1830–1850-е годы, но приняли своеобразное конкретно-историческое выражение. К тому же к ним добавилось мощное влияние экономического характера в связи с превращением Заволжья в одного из главных российских поставщиков товарного хлеба.

Именно на исходе первой половины XIX в. сложился комплекс объективных причин, повлекших принятие решения о создании особой завожской губернии. К ним относятся: 1) стремление властей одновременно поддержать и удержать под своим контролем переселенческое движение, 2) окончательная утрата краем военно-пограничного значения и ликвидация здесь служилого населения, 3) трудность управления обширными губерниями при резком росте числа их жителей, 4) возросший экономический потенциал территории и ее естественного центра торгово-промышленного притяжения, каким стала Самара.

До середины 1830-х гг. наблюдение и ответственность за переселенческие дела возлагались на Министерство финансов и его местные учреждения. Затем государственное участие и контроль в процессе заселения края усилились вследствие реформы казенной деревни, в осуществлении которой важное место отводилось переселенческой политике: «Министерство государственных имуществ с самого образования своего (26 декабря 1837 г. – Ю. С.), убедившись в необходимости облегчить участь нуждающихся в угодьях крестьян малоземельных губерний и обратит излишние руки с одних мест к обрабатыванию обширных пустопорожних пространств в многоземельных губерниях, распорядилось выпуском значительных партий переселенцев...» Для этих переселений предназначались, прежде всего, завожские территории Оренбургской и Саратовской губерний⁸.

Проблемы переселенцев не раз создавали трудности у местных властей, не справлявшихся с большим притоком людей, а потому не раз требовавших его ограничения и даже временного прекращения. Однако даже получаемое время от времени согласие центральных правительственных учреждений на подобные ограничения мало что меняло. Появление на свободных землях самовольных переселенцев из числа казенных крестьян все равно заставляло и руководителей столичных ведомств, и губернских чиновников оформлять эти переходы, чтобы не потерять из виду налогоплательщиков и не довести их до разорения⁹.

Накопившиеся нерешенные вопросы заставили министра государственных имуществ П. Д. Киселева дать поручение в 1842 г. действительному статскому советнику Райскому составить специальную записку о состоянии крестьян-переселенцев¹⁰. За этим последовали командировка того же Райского в Саратовскую губернию в 1843 г. для изучения вопроса на месте, принятие по просьбам губернских казенных палат и самого Министерства государственных имуществ новых правил о переселениях, высочайше утвержденных 8 апреля 1843 г.¹¹

Мероприятия, схожие с теми, что осуществляло киселевское министерство, проводило в отношении своих крестьян и удельное ведомство.

Приток переселенцев обеспечивался и помещиками, выводившими своих крепостных на свободные земли, в том числе полученные по пожалованиям от верховной власти.

Вместе с тем впервые за историю Заволжья правительство в 1840-х гг. прибегло к массовому выводу отдельных групп населения за пределы данного региона, хотя разговоры об этом велись давно. Еще в наказе самарского, ставропольского и оренбургского дворянства в Уложенную комиссию 1767 г. содержалось требование передачи помещикам земель, отведенных жителям крепостей от Самары до Оренбурга. Здешних же казаков дворяне предлагали выселить «выше по Яику на линию», то есть дальше на восток¹². В 1801 г. землемер В. И. Ильинский сделал представление генерал-прокурору «о положении калмыцких земель и сколь оне выгоды будут иметь, ежели перевести их на другие Оренбургские земли, а сию заселить коронными крестьянами»¹³.

По Положению об Оренбургском казачьем войске, утвержденному императором 12 декабря 1840 г., были упразднены внутренние кантоны этого войска в Заволжье, а казачьи земли при городах Самаре, Ставрополе, Бузулуке и других крепостях прежней Самарской линии передавались Министерству государственных имуществ¹⁴. По указу от 8 марта 1841 г. началось выселение казаков бывших внутренних кантонов на восток на новую пограничную линию¹⁵. Многовековая история казачества в Самарском крае была прервана.

В 1842 г. калмыки вслед за казаками были выведены из Заволжья. Обитавших на его восточных окраинах башкир выселение не затронуло. Однако самовольно занятые выходцами из Башкирии на рубеже XVIII-XIX вв. земли по Узеням и другим южным степным рекам изымались в казну для наделения государственных крестьян и помещиков. Взамен этой группе башкир, причисленной в 1832 г. в ведение Уральского казачьего войска, отводилось ограниченное пространство степи Николаевского уезда на вершинах рек Иргиза и Каралыка (в современных Большеглушицком и Большечерниговском районах)¹⁶.

Ликвидация иррегулярных войск на заволжских территориях привела к освобождению значительного числа сельскохозяйственных угодий, в том числе в Симбирской губернии, считавшейся с 1801 г., по утвержденному еще Павлом I сенатскому докладу, малоземельной и не подлежащей массовому заселению¹⁷. Теперь же в ее Самарском и Ставропольском уездах образовался резерв, обеспечивший новых поселенцев на несколько десятилетий. Но это порождало административные проблемы.

Левобережье Симбирской губернии требовало иных способов и даже органов управления, чем ее давно обжитая и уже перенаселенная нагорная сторона. Так, в начале второй трети XIX в. на территории Симбирс-

кой губернии вообще не оставалось государственных крестьян, которые, согласно мнению Государственного Совета, утвержденному 16 января 1835 г. Николаем I, были переданы в удельное ведомство со своими землями и угодьями¹⁸. Соответственно, здесь не было и учреждений, ведавших казенным землевладением. Но когда Ставропольское Калмыцкое войско, подчиненное мимо уездных гражданских властей Военному министерству, было упразднено, то его территория перешла под контроль особого правительственного органа, созданного в 1844 г., – Временного Управления казенными землями Симбирской губернии при Министерстве государственных имуществ. Заселение этих земель велось по особым правилам, принятым в 1846 г., а первые переселенцы были допущены в 1849 г.¹⁹

В Саратовской губернии также проявлялся контраст правого и лугового берегов, хотя на ее юге он был заметно сглажен. Одновременно пропал смысл держать под контролем военных властей Оренбургской губернии, озабоченных пограничными и среднеазиатскими делами, ее западные уезды, лишившиеся служилого населения. Да и в целом быстрый рост населения и экономического значения Заволжья делали все более ощутимыми трудности управления существующими обширными губерниями. Естественным стало появление идеи создания отдельной губернии на левобережье Волги.

Еще в 1820-е гг. разрабатывался, но не получил хода проект разделения Оренбургской губернии «с прибавками некоторых частей Пермской и Симбирской губерний на две губернии и область»²⁰. В 1842 г. сенатор А. Н. Пешуров совершил ревизию Оренбургской губернии, результаты которой были сообщены Комитету Министров. В представленном рапорте как раз указывалось на административные затруднения, вызванные тем, что «народонаселение здешней губернии быстро увеличивается чрез поселения казенных крестьян, а между тем средства полицейского и судебного управлений остаются без всякой перемены и усиления». При рассмотрении журнала заседаний Комитета император Николай I 10 августа 1843 г. приказал: «Собразить и представить проэкт разделения помянутой губернии на две, с прирезкою Самарского уезда Симбирской губернии». Министр внутренних дел, получивший это повеление, предложил «по соображению ... географических и статистических сведений об Оренбургской и прилегающих к ней Симбирской и Казанской губерний» составить Самарскую губернию из четырех уездов Оренбургской (Мензелинский, Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский), двух Симбирской (Самарский, Ставропольский) и Казанской (Спасский, Чистопольский) губерний²¹.

Слабая сторона этого плана состояла в том, что в случае его выполнения создавалась очень разнородная по составу губерния, охватывающая

и давно обжитое Закамье, и продолжавший осваиваться север Заволжья, и заметную часть собственно башкирских земель. На проект последовали настойчивые возражения генерал-губернатора В. А. Обручева, среди которых было и указание на то, что «разноплеменность и разноподчиненность», создающие трудности управления Оренбургской губернией, перейдут теперь и на Самарскую²².

Первоначальный вариант состава Самарской губернии не был реализован и из-за тесной увязки с весьма сложным вопросом реорганизации всей Оренбургской губернии. Однако идея не была похоронена, а приобрела географические очертания, более соответствующие реальным административным задачам.

2 мая 1850 г. Министерство внутренних дел довело до сведения разных ведомств новое повеление императора: «Учреждение новых губерний начать с одной Самарской...»²³, а также собственные предположения об устройстве ее из заволжских уездов Симбирской (Ставропольского и Самарского), Саратовской (Николаевского и Новоузенского) и Оренбургской губерний (Бугульминского, Бугурусланского и Бузулукского). При этом правобережная часть Самарского уезда на Самарской Луке оставалась в Симбирской губернии и включалась в Сызранский уезд. Заволжские селения последнего (в современном Приволжском районе Самарской области), в свою очередь, передавались Самарскому уезду.

На сей раз вопрос о Заволжье был оторван от остальных административных перемен в Оренбургском крае и Башкирии, что облегчило его решение. Серьезных аргументов против включения из Оренбургской губернии самых западных уездов не было. В делах тамошнего архива нет запроса из столицы по поводу нового варианта образования Самарской губернии. Согласия из Оренбурга не спрашивали, а только требовали принятия необходимых мер к созданию новой губернии, которая отдавалась под контроль генерал-губернатору, превратившемуся из просто оренбургского в «оренбургского и самарского».

Состав Самарской губернии ограничивался в окончательном варианте только теми уездами, которые рассматривались как многоземельные и продолжали оставаться территориями массового заселения. Следовательно, таковой становилась и вся губерния целиком. Некоторым исключением являлся Ставропольский уезд, который еще во времена Екатерины II был скомпонован из двух разнородных по времени заселения и степени обжитости половин, разделенных исторической границей Заволжья и Закамья – Старой Закамской линией. Но эта особенность не носила принципиального характера, так как и в других заволжских уездах уже имелись отдельные районы с плотным и давним (до 100 и более лет) оседлым населением. Создание новой губернии выключало из числа многоземельных Саратовс-

кую и Симбирскую губернии, оставшиеся без луговых сторон, тем самым, сокращая объем обязанностей тамошних органов управления за счет упразднения функций по организации переселений. Это же позволяло сократить расходы указанных губерний, а освободившимися суммами компенсировать затраты на содержание самарских губернских учреждений.

То, что вопрос об управлении дальнейшим освоением завожских территорий был одним из важнейших при создании новой губернии, подтверждается следующим обстоятельством. Хотя от имени императора Министерство внутренних дел ставило перед всеми руководителями центральных ведомств одинаковый вопрос, не встретится ли с их стороны «каких-либо неудобств или затруднений к осуществлению сказанного предположения в настоящее время», но решающим оказался обстоятельный отзыв Министерства государственных имуществ, ведавшего, между прочими, делами о переселениях. 10 августа министр внутренних дел граф Л. А. Перовский сообщал управляющему указанным министерством Н. - Гамалее, что именно «по всеподданнейшему докладу отношения ко мне Вашего Превосходительства от 22 июня» Николай I «повелеть соизволил приступить ныне же к образованию Самарской губернии и привести эту меру в действие, если возможно, с 1 января будущего 1851 года»²⁴.

Важным обстоятельством, ускорившим создание губернии за Волгой и определившим будущий административный центр, был быстрый, если не сказать стремительный, рост Самары и подъем ее экономического значения, что обуславливалось, прежде всего, развитием товарного производства зерна в крае и хлебной торговли. Переломным стал 1833 год, отмеченный высоким урожаем при одновременном подъеме цен на хлеб, особенно на твердую пшеницу – «белотурку»²⁵. После него началась, по словам современников, «настоящая белотурочная лихорадка»²⁶. В 1835 г. был поднят, а в 1840 г. решен вопрос об изменении плана города Самары 1804 года, поскольку прежде «не существовало еще хлебной пристани, и хлебных амбаров на плане назначено не было», теперь же число последних достигло несколько сот, и ежегодные закупки хлеба, вывозимого отсюда, простирались до 3–5 млн пудов²⁷.

В 1835 г. император утвердил новые правила сбора здесь городских доходов и расходов, что было опять-таки следствием развития хлебной торговли, а также новые штаты самарской городской администрации, полиции и органов самоуправления²⁸. Но уже в 1841 г. срочно понадобилось и было получено высочайшее позволение на изменение этих штатов из-за большого притока людей. Официально постоянное население в Самаре за 1830-е гг. выросло в полтора раза (что уже было немало), превысив 13 тыс. чел., а к 1851 г. достигло 15 тыс. жителей²⁹. Однако реальная его численность была на порядок выше. С весны до зимы в город и его

округу стекалось на заработки около 100 тыс. человек, и даже зимой в Самаре оставалось с учетом пришлых не менее 25 тыс. обитателей³⁰.

Если до XIX в. заволжское расположение Самары сдерживало ее развитие и она заметно уступала Симбирску, Сызрани и Саратову, поставленным на безопасной горной стороне, то теперь та же географическая ситуация оборачивалась для нее своими выгодами. К тому же выявилось необыкновенное удобство Самарской пристани. Через нее в середине века проходило две трети грузооборота (в стоимостном выражении) всех речных портов лугового берега Волги ниже устья Камы³¹. Получение ранга главного административного центра Заволжья было вполне естественным шагом, закреплением реального исключительного положения Самары в крае, а не просто волевым актом.

Сроки, назначенные царем для подготовки к открытию основных губернских учреждений, были выдержаны. 6 декабря 1850 г. император подписал указ об образовании Самарской губернии, который было решено обнародовать 20 декабря. Предусмотренная заранее дата 1 января 1851 г. действительно стала днем начала существования новой губернии. Однако окончательное устройство выглядело незавершенным, поскольку в указе предусматривалось, что в ее состав войдут не 7, а 8 уездов за счет раздела Николаевского уезда на два.

Первый самарский гражданский губернатор С. Г. Волховской предложил при разделе Николаевского уезда, сделать центрами уездов Мосты и Балаково. Сам Николаевск (современный Пугачев) как уездный город подлежал упразднению. Та же участь должна была постигнуть и Ставрополь, выгоревший дотла 27 августа 1851 г. и расположенный, по мнению оренбургского и самарского генерал-губернатора В. А. Перовского, крайне неудачно из-за отдаленности от главного русла Волги и регулярных подмывов водой берега. По получении доклада Перовского Николай I сделал ему запрос: «Не нужно ли будет город Ставрополь, по изъясненному в донесении Вашем неудобству расположения его, перевести на другое место?» В Министерстве внутренних дел заодно вспомнили, что вопрос об упразднении Ставрополя уже ставился в 1840 г., подняли и прислали Перовскому старое дело. Волховской счел возможным перенести уездный город в Мелекес с переименованием его в Новый Ставрополь³².

Возможно, если решения по этим вопросам были бы выработаны сразу, то они бы осуществились. Однако в административном рвении Перовский и Волховской пошли дальше и стали разрабатывать планы передела всех уездных границ губернии. Планы эти не касались лишь самых больших по площади Ставропольского и Бугульминского уездов, из территории остальных же предполагалось выкроить три новых: Сергиевский, Балаковский и Покровский³³.

В сентябре 1853 г. министр внутренних дел Д. Г. Бибиков заметил Перовскому на эти предложения, что имеются препятствия в финансовом отношении, и предложил ограничиться только переносом центра Ставропольского и разделом Николаевского уездов. Однако, пока шла эта переписка, жители Ставрополя отстроили город заново, и расходы на его возможный перенос возросли. В начале 1854 г. Бибиков переслал Перовскому мнение о ставропольском деле министра финансов, «который на сие отозвался, что по случаю предстоящих в нынешнее время (шла Крымская война. — Ю. С.) весьма значительных расходов по Государственному Казначейству, означенное преобразование он признает необходимым отложить до более благоприятных обстоятельств к выполнению его». Генерал-губернатор заявил, что тогда нет нужды заниматься и разделом Николаевского уезда, чтобы не помешать в будущем общему административному преобразованию губернии. В 1854 г. Перовский с новым самарским губернатором К. К. Гротом вновь подняли вопрос о переносе Ставрополя и выделении Балаковского уезда из территорий Николаевского и Самарского, но и на этот раз положительного ответа из столицы не получили³⁴. Продолжавшаяся тяжелая война, смена на императорском троне окончательно похоронили мысль о перекройке уездных границ, которые сохранились в прежнем виде с 1851 г.

Таким образом, в предреформенные годы XIX в. завершилось превращение Заволжья в одну из коренных российских территорий. Это официально было признано в мнении Государственного Совета, утвержденном 14 ноября 1850 г. Николаем I и относившим Самарскую к числу «внутренних губерний Империи» с «нормальными» чиновничьими штатами «второго разряда».³⁵ В Заволжье сложилась система местных органов власти, унифицированная по образцу центральных регионов страны и существовавшая до 1917 г. Управление краем утратило военные и внешнеполитические стороны, стало исключительно внутренним делом.

За внешней оболочкой административных перемен, происходивших в XVIII — первой половине XIX вв., скрывались серьезные сдвиги в численности и составе населения, в уровне хозяйственного и культурного развития Заволжья. При всех несовпадениях и противоречиях интересов государственной власти, господствующих слоев, народных масс, отдельных сословий создавались и перестраивались управленческие механизмы, которые позволили решить задачу, исторически значимую для судеб российской государственности, вступившей в период модернизации. Рассматриваемый регион превратился в неотъемлемую часть России, сохранив определенные хозяйственные, этнические и культурные особенности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Самарская летопись. Кн. 1. Самара, 1993. С. 196.
- ² Вестник императорского Русского географического общества. 1851. Ч. 1. Кн. 2. Отд. VI. С. 63.
- ³ *Смирнов Ю. Н.* Самарское Рождество 1773 года // Самарский краевед. Самара, 1994. С. 13.
- ⁴ *Фадеев А. М.* Очерки статистического описания Саратовской губернии // НА РГО. Раз. 36. Д. 9. Л. 87об. –88.
- ⁵ ОР РНБ. Ф. 550 ОСРК. F. IV. 37.С. 30.
- ⁶ ОР РНБ. Ф. 1000 СЕП. Оп. 3. Д. 161. Л. 2об.
- ⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 8227. Л. 1.
- ⁸ РГИА. Ф. 381 Оп. 2. Д. 523. Л. 63.
- ⁹ *Тарасов Ю. М.* Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1984. С. 100, 105, 110, 116.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 381 Оп. 2. Д. 359. Л. 1–1 об.
- ¹¹ РГИА. Ф. 381 Оп. 2. Д. 523. Л. 59,66.
- ¹² Самарская летопись. Кн. 1. С. 120.
- ¹³ ГАУО. Ф. 147. Оп. 4. Д. 11. Л. 23 об.
- ¹⁴ ОР РНБ. Ф. 120 «Бычковы». Оп. 1. Д. 2477. Л. 3, 8об
- ¹⁵ ОР РНБ. Ф. 571 «Перовские». Оп. 1. Д. 13. Л. 18 об.
- ¹⁶ ОР РНБ. Ф. 608 «Помяловский И. В.» Оп. 2. Д. 136. Т. 1. Л. 243–321 об.
- ¹⁷ ГАУО. Ф.156. Оп.1. Д.186. Л.79 об.
- ¹⁸ ГАУО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 25. Л. 3.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 381 Оп. 2. Д. 791, 943.
- ²⁰ ОР РНБ. Ф. 571 «Перовские». Оп. 1. Д.13. Л. 6 об. –7.
- ²¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12365. Л. 2, 26, 33 и 33 об.
- ²² ОР РНБ. Ф. 120 «Бычковы». Оп. 1. Д. 2401. Л. 22.
- ²³ РГИА. Ф. 383. Оп. 9. Д. 7674. Л. 44.
- ²⁴ РГИА. Ф. 383. Оп. 9. Д. 7674. Л. 73.
- ²⁵ *Каминский А.* Краткий очерк быта и состояния крестьян Самарского удельного имения // НА РГО. Раз. 34. Д. 22. С. 11.
- ²⁶ *Воронов.* Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей // НА РГО. Раз. 34. Д. 6. Л. 36 об.
- ²⁷ РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 63. Л. 3 об.,5 об.,29–29 об.
- ²⁸ РГИА. Ф. 1287. Оп. 5. Д. 1018.
- ²⁹ *Воронов.* Описание Волжского побережья Самарской губернии... Л. 87
- ³⁰ РГИА. Ф. 1152 Оп. 3. 1841 г. Д. 87.
- ³¹ *Воронов.* Описание Волжского побережья Самарской губернии... Л. 93.
- ³² ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12928. Л. 1–2, 5, 10–11, 17, 24.
- ³³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12928. Л. 32–53 об.
- ³⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12928. Л. 93–94, 119,123–125, 184.
- ³⁵ РГИА. Ф. 1341. Оп. 80. Д. 475. Л. 8,12.